

«СТИЛЬНЫЕ ЛЮДИ НОВОГО ТИПА»

Гастроли Большого в Нью-Йорке

Коммерсантъ - 2000 -
22 июля - с. 10.

Завтра в Линкольн-центре в рамках ежегодного международного фестиваля завершает свои гастроли балет Большого театра. Впервые за последние десять лет московская труппа появилась в Нью-Йорке в полном составе. Судя по реакции прессы, американцы об этом не пожалели.

Для большого балета шестидневные гастроли на главной сцене Нью-Йорка — важная акция по восстановлению утраченной было репутации. В начале 90-х кто только не колесил по миру под маркой театра: привилегированные полупенсионеры, собиравшиеся в, как их тогда называли, группы здоровья; «Балет Григоровича», набранный тогдашним главным с бору по сосенке и отношения к театру не имеющий; предпринимчивые солисты с личными антрепризами. Сам же театр с постоянными дрязгами и непоправимо устаревшим репертуаром терпел одно фиаско за другим. Самыми провальными оказались гастроли в Лас-Вегасе четырехлетней давности под эгидой тогдашнего худрука Вячеслава Гордеева, неопытные импресарио театра были разорены.

Прошлым летом в Лондоне Большой завоевывал Европу, и небезуспешно. В этом году на очереди еще более важный американский рынок. Месяц назад труппа победно проехала по пяти городам с академическим Сервантесом («Дон Кихот») и социалистическим Шекспиром («Ромео и Джульетта»). Однако и государственная столица Вашингтон, и кинематографическая столица Лос-Анджелес по балетным меркам — всего лишь провинция. Последнее слово всегда остается за Нью-Йорком.

Нина Ананишвили и Сергей Филин в «Жизели» приняли на себя первый шквал восторгов

Критики американской культурной столицы к приезду театра проявили самое пристальное внимание. Еще до открытия гастролей влиятельная New York Times разразилась серией публикаций, анализируя эволюцию эстетики Большого и увязывая бурные внутритеатральные события середины 90-х с российской политической борьбой. При этом выяснилось, что за жизнью москвичей американцы следят не менее внимательно, чем мы; и толки о смене руководства театра, и слухи об объединении дирекций Мариинки и Большого, и появление нового поколения балерин, и сомнительные огулы Васильева-балетмейстера, и успех последних постановок театра теперь известны самой широкой американской публике.

Свою нью-йоркскую программу Большой выбирал осмотрительно. Ставка была сделана на «Жизель» в редакции Васильева,

одетую Живанши и оформленную Сергеем Бархиным, что, по-видимому, должно было продемонстрировать современный подход к наследию. Гигантский гала-концерт был призван проиллюстрировать как эволюцию театра от Григоровича («Алпиева дорога» из «Спартака») до Баланчина (на родной сцене американского классика Большой рискнул показать его Симфонию до мажор); так и незыблемость традиций («Тени» из «Баядерки» и фирменное гранпа из «Дон Кихота»). Примой была назначена не нуждающаяся в раскрутке Нина Ананишвили, хорошо известная американцам как солистка Американского балетного театра (АВТ). В качестве сюрприза готовили юных Светлану Лунькину и Марию Александрову (правда, Лунькина получила травму еще до первого выхода на сцену и была экстренно заменена на свою ровесницу Анастасию Горячеву).

Выяснилось, что ставки были сделаны умно. Нью-Йоркская публика отнеслась к гастролям более чем благодушно: по свидетельству очевидцев, аплодисменты не стихали почти четверть часа после закрытия занавеса. Критика поддержала зрителей: тон задавала маститая, но юношески пылкая Анна Кисельгоф из New York Times («Чистая танцевальная энергия — вот что привезла балетная труппа Большого театра в Нью-Йорк. Не было ничего лучше восхитительной второй программы...»). Скептик Клайв Барнс из New York Post на сей раз вторил своей постоянной оппонентке («Баланчин, насколько я помню, вспоминал Большой театр и московский стиль в целом с ироничным презрением, но это сильное представление наверняка превратило бы его иронию в восхищение»). Основные упреки были адресованы васильевской «Жизели», впрочем, и они прозвучали достаточно мягко. Московский Баланчин был принят с энтузиазмом, хотя и не без оговорок в адрес постановщика — американца Джона Тараса. В целом, из рецензий корифеев вытекало следующее. Московские артисты стали цивилизованнее: появились «стильные люди нового типа». Женщины в Большом оказались сильнее и непредсказуемее мужчин (эпитеты в адрес дам цветисты настолько, что в переводе вызывают чувство неловкости). Балет Большого по-прежнему рождает столь сильные эмоции, что за них можно простить и некоторую небрежность исполнения. Итоги же гастролей сформулировал Клайв Барнс, отметив, что труппа Большого гораздо интереснее, чем то, что она вынуждена танцевать.